

знания, полиморфной культуры, а не как независимой и самодостаточной идеи является первоочередной задачей современной онтологии.

Примечания

- ¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С.4.
- ² Исаков А.Н., Сухачев В.Ю. Этнос сознания. СПб., 1999. С.72.
- ³ Лидовский В.В. Теория информации. М., 2004. С.10–11.
- ⁴ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т.4, ч.1. С.58.
- ⁵ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: В 6 т. М., 1964. Т.3. С.520.
- ⁶ Гуссерль Э. Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. И др. М., 2000. С.379–380.
- ⁷ Рикер П. Кант и Гуссерль. Интенциональность и текстуральность. Томск, 1998. С.182.
- ⁸ Хайдеггер М. Время Картины Мира // Время и бытие. М., 1993. С.41–63.
- ⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С.17.
- ¹⁰ Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1989. С.23.
- ¹¹ Turchin V.F. The phenomenon of science. N.Y., 1977. С.234–235.

- ¹² Поннер К. Логика научного исследования / Пер. с англ. М., 2005.
- ¹³ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С.79–80.
- ¹⁴ Полани М. Личностное знание. М., 1985. С.318.
- ¹⁵ Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance*. Томск, 1999. С.37.
- ¹⁶ Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя. Как избежать разговора: денегации. Минск, 2001. С.4.
- ¹⁷ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С.7–8.
- ¹⁸ Там же. С.189.
- ¹⁹ Там же. С.135.
- ²⁰ Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance*. С.138.
- ²¹ Spivak G.C. Translator's Preface to 'De la grammatologie' // Derrida J. *Of Grammatology*. L., 1980. P.LXIX.
- ²² Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. *Differance*. С.24–25.
- ²³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С.246.
- ²⁴ Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С.50.
- ²⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С.7–8.
- ²⁶ Ильин И.П. Указ. соч. С.110–111.
- ²⁷ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С.95–96.

УДК 165.242

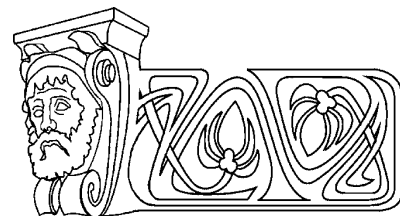
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ»

А.Г. Колчина

Саратовский педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: savanna.77@mail.ru

Предпринимается попытка определения понятия «измененные состояния сознания». Важным моментом здесь представляется выяснение вопросов: «Что такое сознание?» и «Познаваемо ли сознание?». Обосновывается, что сознание – форма взаимодействия индивида со средой. В свою очередь, измененные состояния сознания – следствие нарушения такого взаимодействия. Постулируется мысль, что фактором измененных состояний сознания выступает отчуждение и деперсонализация личности. Такая постановка проблемы выводит автора в сферу актуальных проблем не только онтологии и гносеологии, но и философской антропологии и социальной философии.

Ключевые слова: сознание, самосознание, деперсонализация, измененные состояния сознания, отчуждение.

The Question of Definition of Conception «Transformed conditions of consciousness»

A.G. Kolchina

It makes an attempt to define the conception «Transformed conditions of consciousness?» and «Is the consciousness cognized?». It gives proof of the fact that consciousness is a form of interaction of person with society. In its turn transformed conditions of consciousness is a consciousness of such interaction. It emphasizes that depersonalizations and alienation are come out as a factor of transformed conditions of consciousness. Such problem organization inferred the author in a sphere of actual questions of ontology, kinesiology, philosophic anthropology and social philosophy.

Key words: consciousness, selfconsciousness, depersonalization, transformed conditions of consciousness, alienation (estrangement).

Измененные состояния сознания являются областью исследований, объединяющей усилия десятков наук: генетики, психофармакологии, физиологии, психиатрии, психологии, философии. В последние десятилетия наметился новый этап в исследовании этой проблемы в связи с изучением психофизиологических коррелятов, а возможно, и мозговых механизмов этих состояний. Но, пожалуй, основным вопросом в исследовании этого загадочного феномена является раскрытие сущности самого сознания. Этому посвящали свои работы классики философии, заметен интерес к данной проблеме и в монографиях современных исследователей.

Отправной точкой исследования может быть вопрос «познаваемо ли сознание?». Одни исследователи исходят из признания познаваемости сознания и даже утверждают, что знание о фактах сознания – это самое достоверное из всех видов человеческого знания¹. Другие, напротив, категорически отрицают эту возможность, заявляя, что это такая же тщетная попытка, как увидеть из окна самого себя идущего по улице. Согласно такой точке зрения, свои мысли и чувства мы никогда не можем постичь, так как это и есть мы сами, состояние нашего «Я». Духовный мир представляет собой особый тип бытия, мир другого измерения по сравнению с материальным².

Придерживающиеся позиции непознаваемости сознания аргументируют свою точку зрения тем, что сознание как абсолютное условие всякого познания само не может быть его объектом. Считается, что каждый акт сознания, осмысливая свое содержание, освещая свой объект, на который оно направлено, сам остается в тени, в сфере неосознаваемого. Для того чтобы оказаться в поле сознания, этот акт сознания нуждается в другом, как бы накладываемом на него, а тот, в свою очередь, в ином акте, и так до бесконечности. В пользу познаваемости сознания говорит наличие объективированных форм его бытия, в качестве которых выступают не только практические действия, но и речь, искусство, система символов и т.д.

По мнению Д.И. Дубровского, классическая теория познания, как, впрочем, и наиболее востребованные наукой современные

эпистемологические концепции, обращены на познание явлений внешнего мира. В своем стремлении к достижению объективного знания, строя теоретические конструкции, представители классической теории сознания тщательно стараются исключить из сферы научного познания субъективную реальность. В большинстве случаев такая установка оправдывала себя в рамках познания явлений неживой природы, а также во многих аспектах исследования живой природы, являясь более или менее адекватной для целей «физикалистского» естествознания. Однако такая эвристическая посылка обнаруживает свою ограниченность, а зачастую и явную несостоятельность, когда ставятся задачи изучения социальных, экономических, политических процессов, человеческих взаимодействий, особенно межличностных и, шире, межсубъектных коммуникаций, когда мы имеем дело с современными интегральными объектами, включающими в качестве неперенного фактора человеческое сознание³.

Следует принимать во внимание, что субъективная реальность в качестве персональной целостности, олицетворяемая нашим «Я», представляет собой объект познания, который требует не только особого подхода, но и творческой разработки специальных познавательных средств, а также более адекватных методов исследования. Познавательные задачи изучения субъективной реальности состоят в теоретическом осмыслении процессов и результатов отображения (и оценки) в явлениях субъективной реальности самой себя: ее «содержания», локальной и целостной организации, динамических структур и форм существования, векторов ее активности и их «действенности».

Для осмысления явлений субъективной реальности важное значение приобретает проблема *подлинности*, то есть аутентичности наличного «содержания», переживаемого данной личностью, а также исследования ценностных и интенционально-волевых характеристик явлений этой же реальности, их способности влиять и управлять другими явлениями этой же реальности и, соответственно, быть управляемыми, способность самоорганизации целостной системы «Я».

Следует обратить внимание, что проблема подлинности наименее теоретически осмыслена, но является чрезвычайно актуальной, особенно в коммуникативном плане. Она включает целый ряд уровней рассмотрения (для многих случаев в качестве подлинного выступает то, что исключает намеренный обман или самообман). Диагностика подлинности мыслей, чувств, намерений имеет жизненно важное значение, которое в информационную эпоху быстро возрастает, особенно в связи с выдающимися достижениями технологий дезинформации и обмана и изощренным творчеством в области самообмана.

Теория познания субъективной реальности базируется на исследовании свойства самоотображения, которое является фундаментальным, так как присуще всякому явлению субъективной реальности, то есть всякому акту сознания. Последний имеет своей базисной динамической структурой единство противоположных модальностей «Я» и «не-Я». Они обладают способностью переменного соотношения, взаимополагания, ибо «Я» всегда полагает себя в качестве «не-Я», содержанием которого выступает не только предметность, телесность, другое Я, «Мы», «Они», «Мир», «Абсолютное», но и оно само. В этом биполярном динамическом контуре непрерывно совершаются процессы самоотображения и самоорганизации (саморегуляции, самопреобразования) персональной системы субъективной реальности, сознания личности.

Неслучайно, что в истории философии насчитывается большое число определений понятия «сознания», немногим меньше и теоретических попыток осмысления этого феномена. Во многом трудности определения сущности и понятия «измененные состояния сознания» обусловлены методологической неопределенностью именно в области философии.

В психологии и психиатрии широко распространены введенные К. Ясперсом метафорические понятия ясности и помрачения сознания⁴. Критериями помрачения (следовательно, неясности) сознания стали считаться: отсутствие отчетливого восприятия окружающего, дезориентация во времени и

пространстве, бессвязность мышления, стертость воспоминаний. Совокупность всех указанных признаков и образует «потерю сознания», его нарушенность.

В психиатрии различается ряд разновидностей нарушенного сознания: оглушенное состояние – резкое повышение порога чувствительности, безучастность к окружающему, неспособность к мыслительной деятельности; делириозное помрачение сознания – нарушенность ориентировки проявляется в произвольных наплывах различных представлений, возникает ложная ориентировка в пространстве и времени; онейроидное (сновидное) состояние – обильное всплывание фантастических сцен; сумеречное состояние сознания – произвольное блуждание, выполнение автоматических действий, использование предметов не по назначению; деперсонализация – восприятие себя как бы со стороны, нарушение «схемы тела»; дисморфобия – крайнее недовольство частями своего тела, неприятие себя, аномально заниженная самооценка.

Сознание – это психическая саморегуляция человека на основе отражения действительности в социально выработанных формах – понятиях и оценочных суждениях. Существуют некоторые критерии минимально необходимого уровня психического взаимодействия индивида со средой. Нарушение этих критериев означает нарушенность сознания, утрату взаимодействия субъекта с действительностью. Признаками нарушенного сознания являются исчезновение предметной отчетливости восприятия, связанности мышления, ориентации в пространстве, неспособность к саморегуляции и самоотчету.

Нормой для личности является самоорганизованность, самосознание, отражение мира в объективных взаимосвязях и смысловых значениях. Сознательное поведение личности – концептуально организованное поведение, основанное на соотношении явлений действительности с понятийной сферой индивида. Во всех случаях патологии сознания происходит деперсонализация индивида, нарушение его самосознания. Это позволяет сделать вывод, что самосознание личности, личностные образования являются ядром сознательной саморегуляции. На примерах

психических аномалий и нарушений сознания мы отчетливо видим, что психика отдельного человека неразрывно связана с его личностными, социально обусловленными ориентациями⁵. Таким образом, проблема измененных состояний сознания оказывается тесно связана с такой как деперсонализация и другой – еще более фундаментальной философской проблемой – отчуждением.

Предельно краткий экскурс в историю проблемы отчуждения показывает, что философский смысл понятия «отчуждение», вытекающий из гегелевского «отчужденного духа», у Маркса уже в его «Философско-экономических рукописях 1844 года»⁶ выступает прежде всего в общественно-экономическом аспекте как отчуждение продуктов человеческой деятельности и труда при капитализме. Однако, как известно, в понятие «отчуждение» включаются социально-политический, моральный, эстетический и некоторые другие аспекты.

Социологи и социальные психологи, прежде всего, исследуют различные аспекты отчуждения личности в условиях современного общества. Это отстранение, замкнутость человека, «рефлексивный его уход от мира»⁷, «внутренняя эмиграция», порождающая одиночество⁸. Это и конформность современной молодежи как выражение двух тенденций одного процесса идентифицированного человека и отчужденного мира⁹. Это и отчуждение цели, порожденное ситуацией целевого конфликта, когда индивид оказывается в «плелу» одновременно двух или более целей, одинаково значимых для него. Подобная ситуация может вызывать невротические симптомы у субъекта.

Попытки исследователей выбраться из плена теоретических абстракций и ухватить реальные жизненные проявления отчуждения человека неизменно упираются в препятствия эмпирического характера. Все очевиднее встает вопрос об адекватных методиках изучения феноменологии отчуждения. Вместе с тем богатство смысловых значений, а также необходимость объяснения сложных, противоречивых связей человека с миром и другими людьми обусловили переход этого понятия из общепсихологического плана в собственно психологический¹⁰.

Пожалуй, первым из психологов, использовавших понятие «отчуждение», был З. Фрейд. Он связывал феномен отчуждения с патологическим развитием личности, для которой социальная культура является чем-то чуждым, враждебным ее естественной природе. Самоотчуждение, по Фрейду, ведет либо к невротической потере своего собственного я – деперсонализации, либо к утрате чувства реальности окружающего мира – дереализации. Вслед за З. Фрейдом Э. Фромм, включив понятие отчуждения в научный оборот, существенно расширил сферу его применения. «Под отчуждением я понимаю такой тип жизненного опыта, когда человек становится чужим самому себе. Он как бы «остраивается», отделяется от себя. Он перестает быть центром собственного мира, хозяином своих поступков; наоборот – эти поступки и их последствия подчиняют его себе, им он повинуетя и порой даже превращает их в некий культ»¹¹, – писал Э. Фромм. Согласно ему, отчуждение выступает в пяти ипостасях: как отчуждение от ближнего; отчуждение от работы, дела; отчуждение от потребности; отчуждение от государства; и, наконец, отчуждение от себя¹².

Таким образом, перед нами открываются несомненные преимущества общепсихологического подхода к изучению измененных состояний сознания. Они заключаются, в частности, в том, что особенность исследуемой проблемы и ее культурно-исторический дискурс предполагают уже сложившееся понятие субъективности¹³.

Несмотря на отдельные опыты в понимании патологии сознания, отечественная психиатрия этими вопросами еще не занялась, и они остаются задачей будущего. Психиатрии не удается установить границы и объем понятия расстройства сознания; имеются большие трудности отграничения нарушений сознания от аффективных, бредовых, галлюцинаторно-бредовых расстройств; отсутствует единогласие в классификации нарушений сознания; вопрос о границах между клинически фиксируемыми видами нарушения сознания (делирием, онейроидом, аменцией и пр.) остается малоизученным; точная квалификация клинического статуса

затрудняется многосимптомностью и лабильностью большинства состояний нарушенного сознания. Т.Ф. Пападопулос считает, что «первый этап изучения расстройств сознания – их описание – не закончен даже с точки зрения статической характеристики»¹⁴. Дальнейшие наблюдения и накопление фактов не только не внесли ясности в решение насущных вопросов, но лишь дополнили эмпирический хаос, более явно обозначили методологическую неполноценность укоренившегося в психиатрии утилитарного подхода к сознанию.

Представляется совершенно очевидным, что психиатрическое понимание сознания и, соответственно, измененных состояний сознания должно развиваться в русле общепсихологического и общепсихологического знания. Вопреки прагматическим ограничениям здравый смысл требует, чтобы психиатрические исследования, обращенные к особым ситуациям душевной жизни, не только были связаны с общим контекстом психологического и философского знания, но и развивались в пространстве как можно большего количества философских систем.

Примечания

- ¹ Г. Гегель, К. Маркс, Л. Леви-Брюль, представители деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Н. Рубинштейн), феноменологическая традиция.
- ² И. Кант, Т. Гексли, В. Вундт (хотя последний считал, что научно исследовать можно только отдельные явления сознания, что же касается его сущности, то она не может быть выражена, несмотря на то, что сознание субъективно дано в переживании), бихевиоризм.
- ³ Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») // *Вопр. философии*. 2003. № 7. С.92–111.
- ⁴ Ясперс К. *Общая психопатология*. М., 1997.
- ⁵ Еникеев М.И. *Общая и социальная психология*. М, 1999.
- ⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*: В 5 т. М., 1959. Т.42.
- ⁷ Duhzssen A. Philosophic alienation and the problem of other minds // *Philosophical Review*. 1969. V.66, № 4.
- ⁸ Burton A. On the nature of loneliness // *American Journal of Psychoanalyse*. 1961. V.21, № 1.
- ⁹ Davids A. Alienation, social apperception and ego-structure // *Journal of Consulting Psychology*. 1955. V.19; Yould L.J. Conformity and marginality: Two faces of alienation // *J. Soc. Issues*. 1969. V.25, № 2.
- ¹⁰ Абраменкова В.В. Проблема отчуждения в психологии // *Вопр. психологии*. 1990. № 1. С.5.
- ¹¹ Фромм Э. *Человек одинок* // *Иностранная литература*. 1966. № 1. С.230–233.
- ¹² Там же.
- ¹³ Бородай А. *Эротика. Смерть. Табу*. М., 1996. С.16.
- ¹⁴ Пападопулос Т.Ф. Проблема расстройств сознания в современной психиатрии. (По данным зарубежной литературы) // *Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 1969. № 3. С.444–456.